

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М. А. Анисимова

ЧЕРТЫ ПОЗДНЕГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА И ПРЕДРОМАНТИЗМА В ЭЛЕГИИ «КЛИФТОН» ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА

В статье рассмотрена элегия «Клифтон» Томаса Чаттертона. На основе подробного текстологического анализа определена сюжетно-тематическая связь произведения с поздним этапом лирики сентиментализма, ведущими мотивами которой становятся воспоминания лирического героя об идиллическом прошлом английской провинции и его критическое отношение к нынешнему упадку и связанному с ним социально-нравственному кризису. Однако спектр поднимаемых в элегии проблем выходит за рамки сентименталистской эстетики и затрагивает вопросы утраты национального исторического и культурного наследия, значимости субъективного мировосприятия автора, погружения в мир фантазии и личных переживаний лирического героя, что указывает на преобладание уже предромантических идей.

В Англии второй половины XVIII в. наблюдается обострение социокультурного конфликта, сопровождающееся кризисом просветительской идеологии, преисполненной в начале столетия надежд достичь стабильности и процветания во всех сферах жизни общества, разрешив любые формы противоречий путем рационального компромисса. Этот процесс находит отражение в литературе: начинают возникать различные эстетические направления, которые ставят под сомнение состоятельность идей Просвещения и предвосхищают приход романтизма.

Первой масштабной реакцией на кризис просветительской философии и эстетики становится сентиментализм. Этому направлению свойственно «тяготение к “идиллическому хронотопу” (М. М. Бахтин), предпочтение тем “деревенской жизни”, противостояния сельского уединения суете и фальшивости городской цивилизации, культ природы, обостренный интерес к внутреннему миру человека, сфере его чувств, культ чувства, нравственный пафос и меланхолические интонации, демократические тенденции и повышенный критицизм по отношению к современному состоянию общества» [1, с. 27]. С зарождением сентиментализма начинается процесс индивидуализации в литературе. В поэзии все чаще появляется лирический герой, «углубленный в свои думы отшельник, предпочитающий одиночество и меланхолические размышления о бренности бытия и суетности жизни» [2, с. 126]. Происходит активное становление лирических жанров, прежде всего элегии, эпитафии, медитативно-дидактической поэмы.

Сентиментализм как литературное направление формируется и эволюционирует на протяжении всего столетия, порой возникая в виде отдельных поэтических школ, например, «кладбищенская» школа поэтов. Так, на раннем этапе в произведениях Дж. Томсона и Д. Моллета еще видна тесная

связь сентиментализма с барокко и классицизмом, где трогательные сцены простого деревенского быта и повседневной жизни сельского труженика чередуются с патетическими строками прославления крестьянского труда и величественными образами природы. Но начиная со второй половины столетия, сентиментальная поэзия приобретает драматический и пессимистический характер в творчестве О. Голдсмита, У. Каупера и Дж. Крабба. Их произведения полны горечи и негодования по поводу негативных явлений буржуазного строя, где технический прогресс, развитие торговли и промышленности привели к масштабному огораживанию земель, обесцениванию труда крестьян, обнищанию и вымиранию некогда процветавших деревень. Природа сельской местности, крестьянский быт, которые на ранних этапах сентиментализма являлись отрадными источниками вдохновения, начинают терять былую гармоничность и привлекательность. «Сентиментальные иллюзии и идиллическое изображение сельской жизни хотя и не изжиты полностью, но сменяются правдивыми картинами реального бытия» [2, с. 128]. Поэзия позднего сентиментализма уже практически полностью отвергает оптимистическую идеологию Просвещения. Однако в художественном плане каких-либо значимых преобразований не происходит, поэтому «в общем составе английской литературы последней трети XVIII в. это направление оттесняется гораздо более широким «предромантическим» движением, непосредственно подготавливающим победу романтизма в начале XIX века» [3, с. 128].

Предромантики также остро, но по-иному реагируют на буржуазный кризис. Их реакция проявляется не в форме обличающей критики или же «бездейственного созерцания», а скорее становится своеобразным побегом от угнетающей действительности в поэтическую реальность. Одним из вариантов такого побега становится возвращение к истокам своей культуры, миру далекого средневековья. Времена, которые в «век утонченного вкуса» считались варварскими и темными, оказываются предметом восхищения и неиссякаемым источником творческих идей.

Таким же источником становится для предромантиков природа. Кардинально меняется и ее роль в произведении по сравнению с традицией просветительского классицизма и сентиментализма. Пейзаж становится самостоятельным, живым, динамичным элементом произведения. В природе предромантизма начинает преобладать мотив стихийности, фатальности, разрушения, что оказывает непосредственное влияние на эмоциональное состояние героя, его внутренний мир, где все чаще возникают дисгармония и смятение чувств, обусловленные внешним неблагополучием. «Предромантики, видящие в окружающем мире преимущественно зло, часто придают вездесущей силе зла универсальный характер и переносят ее действие не только на общество, но и на природу. Предромантики также видят противоречивый, порой антагонистический характер природы, но они не стремятся найти этому какое-то рациональное или божественное объяснение, как это делают Томсон и другие сентименталисты. Она влечет предроман-

тиков именно своей таинственностью и необъяснимостью» [4, с. 209]. Как следствие, рационалистическое мировосприятие постепенно сменяется романтическим. Воображение и фантазия художника выступают ключевыми инструментами создания поэтической реальности произведения, что свидетельствует о зарождении новой эстетики, которая в XIX в. достигнет своего расцвета.

В истории английской литературы принято считать, что поэмы О. Голдсмита «Покинутая деревня» («The Deserted Village», 1770), Дж. Крабба «Деревня» («The Village», 1783), У. Каупера «Задача» («The Task», 1785) формируют поздний этап сентиментальной лирики. Произведения, как правило, строятся на контрасте светлых и радостных картин прошлой жизни и угнетающих, пессимистических образов настоящего. Так, например, воспоминания уносят лирического героя поэмы «Покинутая деревня» во времена, когда его «милый Обурн» еще процветал, его жители знали и труд, и отдых, и веселье. Картины природы и образы прошлых лет наполнены благодатью и умиротворением. Но идиллию сменяет разруха и запустение. Новый социальный строй оказался безжалостен к простому человеку. Автор обрушивается с резкой критикой на «блага» цивилизации, которые спровоцировали эту трагедию. Однако почти за год до публикации «Покинутой деревни», Томас Чаттертон пишет элегию «Клифтон» («Clifton», июль 1769 г.¹). Тематика и композиционное оформление роднят произведение с поэзией позднего сентиментализма, творчеством Голдсмита, Каупера, Крабба, однако подробный текстологический анализ обнаруживает весьма четкие черты предромантизма.

Лирический герой «Клифтона» описывает свою прогулку по одноименному поселку недалеко от Бристоля. Первое, на что обращает внимание читатель, это выбор места. Клифтон – не просто деревня, а знаменитая здравница с богатой историей, славящаяся своими горячими источниками, древними акведуками и живописной природой. Стихотворение начинается с описания местного пейзажа. Герой поражен величием открывшейся его взору картины. Огромные сумрачные скалы, из недр которых брызжут кипящие воды источников, разжигают своим видом его воображение: «Yon dusky rocks that from the stream arise, / In rude rough grandeur threat the distant skies, / Seem as if nature, in a painful throe, / With dire convulsions labouring to and fro, / To give the boiling waves a ready vent / At one dread stroke the solid mountain rent» [6, p. 62]. Чтобы передать всю мощь и стихийность этого природного явления автор использует гиперболические эпитеты и персонализацию, такие как: «грубым и диким величием пугая небеса», «природа бьется в ужасных конвульсиях и мечется в мучительной агонии», «бурлящие волны готовы вырваться на свободу», «страшным ударом разорвав массивную каменную глыбу». Природа Клифтона не умиротворяет героя, не настраивает его на медитативный лад, а воодушевляет и одновременно

---

¹ Согласно исследованию Д. С. Тейлора [5, p. 268].

пугает. Изначально отправляясь в Клифтон, чтобы «посозерцать, остановиться, поразмышлять» («gaze, and pause, and muse»), главный герой вдруг оказывается захвачен буйством природных стихий, которые словно оживают в его воображении. Настроение стихотворения меняется, появляется свойственный предромантизму диссонанс между внешней объективной реальностью и субъективным восприятием героя.

Далее интерес путешественника привлекает старинный кенотаф, наводящий его на мысль о прошлом, но не об идиллическом добуржуазном прошлом Голдсмита и Крабба, а о более отдаленном, средневековом. Его фантазия рисует образы далекие и прекрасные, навеянные древними рукописями бристольского собора и старинным кенотафом Клифтона. Он признается читателю, что «душа загорается энтузиазмом» при виде мест былой славы: «...my soul with ardour burns, / For on that spot my glowing fancy dwells, / Where cenotaph its mournful story tells, / How Britain's heroes, true to honour's laws, / Fell, bravely fighting in their country's cause. / But though in distant fields your limbs are laid. / In fame's long list your glories ne'er will fade; / But blooming still beyond the gripe of death, / Fear not the blast of time's including breath. / Your generous leader raised this stone to say. / You followed still where honour led the way: / And by this tribute, which his pity pays, / Twines his own virtues with his soldiers' praise» [6, p. 63]. Лирический герой преисполнен гордости и восхищения своими предками, бесстрашно отдававшими жизни на полях сражений во имя Родины. Об этом свидетельствуют многочисленные восторженные обороты: «верные закону чести герои Британии», «доблестно сражаясь во имя своей страны», «ваша слава воссияет на века», «великодушный предводитель». Эти строки наполнены той «аристократической тоской по веку твердо установившейся иерархии, веры, по моральному кодексу чести, верности и доблести рыцарства» [7, с. 17], которая становится генератором предромантической идеи возрождения национального прошлого.

Продолжая свой путь по живописным холмам Св. Брэндона, лирический герой приближается к развалинам старинного замка. И вновь его «фантазия уносится по страницам истории» во времена, когда это грандиозное сооружение было гордостью саксонцев и служило надежной защитой. И лишь в XVII в. предательской рукой Руперта замок был отдан врагу: «You castle, erst of Saxon standards proud. / Its neighbouring meadows dyed with Danish blood. / Then of its later fate a view I take: / Here the sad monarch lost his hope's last stake; / When Rupert bold of well-achieved renown, / Stained all the fame his former prowess won» [6, p. 63]. От мощной крепости остались лишь руины, являющие собой унылое зрелище, которое печалит героя: «But for its ancient use no more employed, / Its walls all moulded and its gates destroyed; / In history's roll it still a shade retains. / Though of the fortress scarce a stone remains» [6, p. 63]. Руины, будучи одним из ключевых символов предромантизма, четко отражали «господство хаоса над порядком, дисбаланс разума и чувства и напоминали о быстротечности и тленности даже самых разумных

установлений, бросали вызов здравому смыслу как панацее от всех бед» [8, с. 32]. Так и полуразрушенные, покрытые плесенью стены клифтонского замка знаменуют духовный упадок нового общественного уклада в Век Разума, где культурно-историческое наследие страны оказалось бесславно позабытым, а идеалы, во имя которых веками сражались отважные предки, давно обесценились.

Знаковую роль играет в произведении и река Эйвон. Во многом посредством раскрытия ее образа сохраняется тесная связь произведения с антибуржуазным настроением позднего сентиментализма. Река становится символом интенсивной индустриализации и развития рынка. Жизнь вокруг Эйвона кипит: по его водам прибывают в порт Бристоля торговые суда, на берегах активно разворачивается строительство промышленных объектов – но это не приносит радости простому населению этих мест. Воды реки уже изрядно помутнели, а поселянам в одночасье пришлось распрощаться со своим размеренным, формировавшимся столетиями укладом жизни: «For though her waves, by commerce richly blest, / Roll to her shores the treasures of the west. / Though her broad banks trade's busy aspect wears, / She seems unconscious of the wealth she bears» [6, p. 64]. Чувствуется горькая ирония автора в этих строках, где река, «щедро одаренная богатствами», «кажется равнодушной к сокровищам, что несут ее волны». Ее образ создает атмосферу уныния и тоски: «The yellow Avon, creeping at my side, / In sullen billows rolls a muddy tide; / No sportive Naiads on her streams are seen, / No cheerful pastimes deck the gloomy scene; / Fixed in a stupor by the cheerless plain, / For fairy flights the fancy toils in vain» [6, p. 64]. Непривычно медлительное течение реки, «угрюмые волны», «мутные воды» и «безрадостная долина» вызывают у героя чувство опустошенности. Напрасно он пытается глазами отыскать на берегах игривых наяд. Беззаботные феи покинули Эйвон, фантазия героя угасла, и ничто уже не может скрасить «мрачной картины».

Еще одним важным символическим образом в произведении становится «опустевшая, заброшенная» сцена театра: «Near to her banks and under Brandon's hill / There wanders Jacob's ever murmuring rill, / That, pouring forth a never-failing stream / To the dim eye restores the steady beam. / Here too (alas! though tottering now with age) / Stands our deserted, solitary stage» [6, p. 64]. Темп стихотворения постепенно замедляется, становится более монотонным и печальным. Автор сообщает читателю о смерти знаменитого бристольского актера и своего друга У. Пауэла (William Powell, 1735–1769). Чаттертон являлся большим почитателем его игры на сцене, восхищался живостью и эмоциональностью создаваемых им образов. Не одно стихотворение посвятил он Пауэлу, который не был профессиональным актером, но «обладал настоящим природным даром» («nature's genuine son»). Здесь стоит отметить, что гениальность как духовный дар свыше, который не определяется ни энциклопедическими знаниями, ни просвещенным разумом, ни искусным мастерством подражания, становится одним из ключевых критериев творческой личности предромантизма. Именно поэтому предроман-

тики особо почитали У. Шекспира как пример оригинального гения. Смерть талантливого актера и заброшенная сцена символизируют ушедшее в небытие величие английского театра, театра елизаветинской эпохи. Конфронтация былой славы и нынешнего упадка отражена на художественно-стилистическом уровне. Когда герой воскрешает в памяти игру Пауэла на сцене, элегия вновь оживает и наполняется яркими эпитетами, живыми, контрастными метафорами. Его мастерство четко передает эмоциональность, динамичность и глубину шекспировских пьес. Это может быть настоящая буря эмоций: злость, лютая ненависть, «подобная снежной лавине», страсть: «Fierce from his lips his angry accents fly, / Fierce as the blast that tears the northern sky; / Like snows that trickle down hot AEtna's steep, / His passion melts the soul and makes us weep» [6, p. 64]. И внезапно тональность игры меняется, становится мягкой, деликатной, «как весенний утренний ветерок»: «But oh! How soft his tender accents move, / Soft as the cooings of the turtle's love, / Soft as the breath of morn in bloom of spring, / Dropping a lucid tear on zephyr's wing» [6, p. 64].

В заключительной части, состоящей из 28 строк, Чаттертон возвращается к характерному жалобному тону элегии, которая теперь наполнена сугубо личными переживаниями лирического героя. Атмосфера тоски и уныния формируется разнообразными стилистическими средствами. Анафоры *no more* и *else would I* усиливают мотив безысходности: «No more our raptured eyes shall meet thy form, / No more thy melting tones our bosoms warm. / Without thy powerful aid, the languid stage / No more can please at once and mend the age» [6, p. 65]. Словосочетания с эпитетами *gushing grief*, *solemn organs*, *muffled bell*, *mournful peal*, *softening sighs*, *lone abode* создают соответствующее настроение бесконечной печали. Последние строки элегии преисполнены глубокой скорби лирического героя, оплакивающего смерть талантливого друга. Эти душевные муки оказываются не в силах вынести даже муза и навсегда покидает поэта. Столь острое восприятие и личное переживание трагических событий не были присущи ни поэзии Просвещения, боровшегося с субъективностью, ни сентиментализму, еще не сумевшему полностью отказаться от универсальности в выражении чувств.

Элегия «Клифтон» свидетельствует о поэтической прозорливости и новаторстве ее автора, оказавшего значительное влияние на формирование романтической традиции в английской литературе. Д. С. Тэйлор, один из крупнейших исследователей жизни и творчества Чаттертона отмечает, что его произведения «во многом не были характерны для XVIII века. Что-то новое в одночасье появилось на горизонте английской поэзии...»¹ (Перевод наш – М. А.). Несмотря на свой юный возраст, поэт остро ощущал социокультурную специфику своего времени. «Клифтон», безусловно, возник в

---

¹ ...they were not in an important sense the eighteenth century's. Something new had appeared momentarily on the horizon of English poetry... [5, p. 4]

контексте позднего сентиментализма, однако спектр поднимаемых проблем, мировосприятие лирического героя и художественное своеобразие произведения указывают на преобладание эстетики предромантизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синило, Г. В.* История немецкой литературы XVIII века / Г. В. Синило. – Минск : Вышэйшая школа, 2013. – 105 с.
2. *Михальская, Н. П.* История английской литературы : учеб. для студ. филол. и лингв. фак. высш. пед. учеб. заведений / Н. П. Михальская. – 2-е изд., стер. – М. : Издат. центр «Академия», 2007. – 480 с.
3. *Жирмунский, В. М.* Из истории западноевропейских литератур / В. М. Жирмунский. – Л. : 1981. – 302 с.
4. *Луков, Вл. А.* Предромантизм / Вл. А. Луков. – М. : Наука, 2006. – 682 с.
5. *Taylor, D. S.* Thomas Chatterton's Art. Experiments in Imagined History / D. S. Taylor. – Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1978. – 343 p.
6. *Chatterton, Th.* The Poetical works of Thomas Chatterton. Vol.1 / Th. Chatterton. / Ed: W. Skeat. – London, 1872. – 378 p.
7. *Соловьева, Н. А.* У истоков английского романтизма / Н. А. Соловьева. – М. : 1988. – 230 с.
8. *Соловьева, Н. А.* История зарубежной литературы. Предромантизм / Н. А. Соловьева. – М. : 2005. – 272 с.

The article discusses the elegy “Clifton” by Thomas Chatterton. The analysis dwells upon the observations and feelings of the persona who takes a walk around the once thriving town. The thematic and artistic features of the poem are in focus. A detailed textual analysis allows to draw the conclusion about the plot and thematic connection of the poem with late sentimentalism, but with obvious predominance of preromantic ideas.

Поступила в редакцию 04.11.2019

К. А. Зиновьева

WOMEN WRITING LIKE MEN GENDER-REVERSED FICTIONAL DISCOURSE

Статья ставит перед собой цель определить причины явления смены гендера в художественных произведениях. Рассматривается многосторонность проблемы женского письма и его противопоставления престижу мужского стиля письма. Доминирующее влияние мужчин-писателей на стандарт литературного стиля демонстрируется на примере творчества таких писательниц, как А. Мёрдок и Д. Тартт.

Fiction allows for a wide variety of forms and genres and covers a great range of issues akin to almost every historical period of societal development. Many controversial and stigmatized subjects were put forward and closely investigated